

**Иммигранты в Словении и их язык: роман Горана
Войновича «Чефуры вон!»⁵⁴**

Роман словенского писателя Горана Войновича (р. 1980) «Чефуры вон!» («Čefurji gaus!», 2008) поставил во главу угла важные социально-политические и этнокультурные проблемы общества. «Чефур» – это пейоративное обозначение переселенца из южных республик бывшей Югославии в Словении, а также представитель молодежной субкультуры, сформировавшейся в уникальном словенском контексте. Второе поколение иммигрантов, родившееся и выросшее в Словении и обладающее множественной культурной и языковой идентичностью, стало создателем специфической городской субкультуры, которую отличает особый стиль в одежде, музыке и языке. К ней причисляет себя и часть словенской молодежи. Главной отличительной чертой романа Войновича стало его двуязычие, построенное на постоянном переходе с одного славянского языка на другой, а также запечатленное в смешанных грамматических, лексических и синтаксических формах. Первое и второе поколения иммигрантов говорят на разных языках. Поколение родителей сформировало свой социолект, характеризующийся аграмматизмами и неправильным произношением. Напротив, второе поколение «чефуров» демонстрирует отличное владение как словенским, так и языком своих предков и не стесняется их смешивать, используя при этом широкий пласт молодежного ljubljanskego сленга с характерными для него вульгаризмами и неологизмами.

⁵⁴ Работа написана при поддержке гранта РФФИ № 18-512-23002 в рамках проекта «Россия и Венгрия на перекрестке Востока и Запада: проблема пограничья».

О книге говорят как об уникальном феномене: об этом, помимо беспрецедентного внимания со стороны широкой публики (произведение является самым читаемым словенским романом последнего десятилетия), свидетельствуют и две наиболее престижные словенские награды, которых было удостоено произведение Войновича в 2009 г. – премия фонда Прешерна и Кресник, награда газеты «Дело» («Delo») за лучший роман года. Роман был переведен на многие языки (хорватский, сербский, боснийский, польский, чешский, шведский, итальянский, немецкий, македонский и румынский); в переводе автора этих строк на русский язык книга вышла в 2014 г. в издательстве Ивана Лимбаха, получив широкий и положительный отклик в СМИ и у читателей [см., напр., Коммерсант 2014; the Village 2014].

Ситуация с иммигрантами в Словении – особая. Во времена существования Югославии данная республика выделялась развитой экономикой и с середины 1960-х до начала 1980-х гг. принимала на своей территории значительные потоки миграции – необходимую рабочую силу из менее промышленно развитых южных республик, особенно из Боснии и Герцеговины [Dekleva, Razpotnik 2013: 25]. Как правило, речь шла о низкоквалифицированных рабочих, занятых самым тяжелым трудом на стройках, в шахтах и на заводах. Второй поток миграции – теперь уже беженцев – пришелся на начало 1990-х гг. и период югославских войн, в которых, к тому времени уже получившая независимость Словения не принимала участия (произведение Войновича отражает оба этих ключевых момента). В то время и появилось словечко «чефур» – так называли агрессивно настроенные группировки молодежи из южных республик, нередко носящие полукриминальный характер, со временем слово «чефур» стало более емким и начало применяться как негативная характеристика всех граждан с фамилией на *-ич*, то есть приезжих «с юга» некогда единой страны.

Роман предваряют три эпиграфа, задающие роману эксцессивный тон и демонстрирующие накал существующей со-

циальной напряженности. Первый эпиграф – цитата из песни словенского певца Магнифико, раскрывающая логику укоренившегося стереотипа: «Чефур – это человек, проживающий на территории определенного государства, но к национальному большинству не принадлежащий. В нашем случае он родом из земель, расположенных южнее или восточнее реки Колпы. Чефурами мы обычно называем и их потомков. От представителей основной части населения их отличают следующие внешние признаки: низкие лбы, сросшиеся брови, выдающиеся скулы и тяжелая нижняя челюсть. Особенности поведения чефуров: живут они неторопливо, вальяжно, не чураются непристойностей, обожают алкоголь, нежный пол и футбол. Еще одна их страсть – китч и золотые украшения. Они неравнодушны к боевым искусствам и часто сами бывают неоправданно агрессивны. Период их акклиматизации, как правило, длителен» [Войнович 2014: 7]. Данный эпиграф дополнен цитатой из словенского этимологического словаря, где, с пометой «презрительное», дано следующее определение: «чефуры» – это иммигранты из южных республик бывшей Югославии, слово заимствовано из серб., хорв. *чифт*, *чифут* (еврей) [Войнович 2014: 7]. Третий эпиграф – «Чефуры вон!» (по-словенски «*Čefurji gaus!*») – прямая параллель с положением евреев в фашистской Германии), распространенное люблянское граффити, послужившее названием книге.

Действие романа происходит в середине 2000-х гг. Главный герой – семнадцатилетний подросток по имени Марко Джорджич, сын переселенцев из Боснии, обитатель люблянского окраинного района Фужины – своего рода «гетто», построенного во времена Югославии для рабочих-иммигрантов. От первого лица герой рассказывает о жизни его обитателей, о проблемах, с которыми им приходится сталкиваться: низкий уровень жизни, неблагополучные семьи, отсутствие диалога как внутри сообщества, так и со словенской средой, трудности с интеграцией в чужеродном и негостеприимном

пространстве и многое другое. Книга представляет собой роман воспитания: читатель наблюдает за процессом взросления Марко, перед которым встают вопросы идентичности, поведенческих стереотипов окружения, выбора и ответственности. Взгляду героя присуща критическая дистанцированность: соприкосновение двух культур представлено им с юмором, иронией и без прикрас. Главный герой – представитель второго поколения иммигрантов, которому не довелось выбирать, в какой стране жить – пытается решить для себя вопросы идентичности, и сделать это ему еще сложнее, чем поколению его родителей. Существующее в поле двух культур «двуязычное» молодое поколение «чефуров» продолжает сталкиваться с дискриминацией и неприязнью доминирующего словенского общества, структурным социальным насилием, ответом на которое становится как непосредственное физическое насилие со стороны иммигрантов, так и формы культурного сопротивления.

Главным поводом для написания романа стал так называемый «чефурский» язык: у автора возникло желание запечатлеть то ускользающее и эфемерное языковое своеобразие обитателей Фужин, в частности, ту уникальную смесь различных южнославянских языков (словенского, сербского, хорватского, боснийского, черногорского, македонского) и разговорного уличного сленга [Knjiga mene briga – URL]. В результате Войновичу удалось уловить сложную структуру этого лингвистического феномена и воплотить его в яркую художественную форму, передающую ту неповторимую ситуацию, которая возникает при столкновении различных культур.

В современном литературоведении изучением данных явлений занимается теория транскультурности или транснациональная теория, особое внимание уделяющая таким понятиям как гибридность, гибридная (фрагментарная) идентичность, плюрализм культурных и лингвистических кодов, экстерриториальность, билингвизм, метарефлексия, диало-

гизм, транслингвизм и др. [см., напр., Рубинс 2014]. Теория транскультурности разрабатывалась такими философами как Вольганг Вельш и Хоми К. Бхабха [см. Welsch 1997; Bhabha 1994], которые начали пристально всматриваться в зоны культурного пограничья, значимость которых возросла в последней четверти прошлого века в условиях интенсивных экономических, глобализационных и миграционных процессов. Возникло такое понятие, как «третье пространство» («third space») или «меж-пространство» («space-in-between»), разработанное в работах Бхабхи [Bhabha 1990], а также Эдварда Соджи [Soja 1996]. Речь идет о пограничной области контакта, конфронтации, наложения и смешения противоречивых и сложных по своей структуре культурных пластов, именно в этом «меж-пространстве» ведутся диалоги, переговоры, разворачиваются процессы взаимопроникновения и семиотического перевода между различными культурными, литературными и языковыми моделями. Последние также отказываются от бинарных и дихотомизирующих идентификационных конструкций и позиционируют субъект новым, «перемещенным», «децентрализованным» образом, благодаря чему и могут быть осознаны голоса преследуемых, изгнанных и маргинализованных членов социума [Jurić Pahor 2018: 59]. В транснациональной литературе, которая отражает специфику такого рода «междумирья», особая роль принадлежит явлению транслингвизма, к которому намеренно обращаются писатели в их желании включить в текст гетерогенные языковые пласты, зашифровать иную языковую реальность, их пересечение и слияние, которые неизбежно дестабилизируют язык доминирующего большинства [см. Рубинс 2014: 277–278]. Роман Войновича также обращен к функционированию этого особого межкультурного поля во всей его неоднозначности, противоречивости, изменчивости и конфликтности.

В романе можно выделить несколько языковых пластов⁵⁵, механизм взаимодействия которых мы и попытаемся описать в настоящей статье.

I Язык первого поколения иммигрантов

Родной язык иммигрантов

Родители главного героя, Радован и Ранка, – сербы из Боснии и Герцеговины: Радован родился в Високо, а Ранка – в Дервенте. Их родным языком является сербохорватский, который они также учили в школе – в то время боснийский язык еще не был стандартизован [Silaj 2011: 41]. Таким образом *первый язык* Марко (по одному из определений, это как первый усваиваемый ребенком язык, так и главный язык общения, тот, который чаще всего использует коммуникант, в котором он ощущает себя наиболее способным к интересубъективному пониманию) – это родной язык его родителей, то есть сербохорватский, в дальнейшем мы будем условно именовать его именно так⁵⁶. Именно на этом

⁵⁵ Исследованию языка романа посвящено ряд работ [см., напр., Strsoglavac 2010; Stabej 2010; Zupan Sosić 2015], а наиболее углубленным исследованием является дипломная работа Кристины Силай [Silaj 2011], в которой дан анализ переводов романа на хорватский, сербский и боснийский языки и вместе с тем рассмотрены явления иммигрантского социолекта первого поколения, а также смешанного языка второго поколения иммигрантов из южных республик бывшей Югославии в Словении. В нашей работе мы в основном будем опираться на представленную Силай схему межъязыкового взаимодействия.

⁵⁶ Как известно, после распада социалистической Югославии на основе сербохорватского языка сформировались четыре стандартизованных языка – хорватский, сербский, боснийский и черногорский. Ситуация вокруг выделения данных языков весьма непростая: решающими выступают социолингвистические критерии, репрезентирующие эти языки как политические, важна также их символическая роль как одного из факторов формирования национальной идентичности [о разделении сербохорватского на четыре языка см.: Кречмер, Невекловский 2017]. В романе Войновича название языка не играет значительной роли, поскольку главная функция для его носителей – коммуникативная, герои произведения используют идиоматику своего родного края. Силай, говоря о романе, в качестве наименования

языке проходит общение в семье героя, Войнович преподносит нам диалоги по-сербохорватски, встроенные в остальной массив текста, представляющий собой повествование от имени главного персонажа – описание происходящих событий и его внутренние монологи⁵⁷. По словам автора послесловия к изданию романа Урбана Зорко, преобладающий в произведении словенский язык с примесями «босняцизм» («bosančizmov») является «носителем рационально оформленного повествования, тогда как другая сфера языка обитает лишь в интимном, на уровне интенсивных, защитных и преимущественно негативных ощущений» [Zorko 2008: 188–189]. Сам герой заявляет, что в детстве ему читали сказку сербского писателя Бранко Чопича «Дом ежика» и стихи хорватского поэта Ратко Зврко про Гргу Чварака [Войнович 2014: 71]. Помимо общения в семье, по-сербохорватски он говорит с родственниками в Боснии. В качестве иллюстрации приведем реплики отца и сына, когда герой еще был шестилетним ребенком (в русском переводе для передачи двуязычия кое-где были оставлены выражения или отдельные слова на языке оригинала):

...sem <...> začel vleči za rokav pa prosit: «*Idemo kući, tata, molim te, hoću kući*», on pa je cel večer ponavljal: «*Evo sad ćemo, samo da popijem do kraja*» [Vojnović 2008: 76] (курсив наш – А. К.).

...я начинал дергать его за рукав и канючить: «*Идэмо кучи, тата*, ну, пожалуйста, я хочу домой», – а он весь вечер от меня отпихивался: «*Эво, щас пойдём, вот только попиём до края*» [Войнович 2014: 82].

языков, возникших из бывшего сербохорватского, использует аббревиатуру ВНС, которая может означать или боснийский/бошняцкий, или черногорский, или хорватский, или сербский, то есть любой из них или же все одновременно, в данном случае исследовательница также употребляет словосочетание «чефурский язык» [Silaj 2011: 29].

⁵⁷ Диалоги в романе отличаются живостью, непосредственностью и динамичностью, в чем сказывается режиссерское образование автора. Текст изначально задумывался им как сценарий к фильму, который Войнович позднее снял по мотивам романа под одноименным названием «Čefurji raus!» и который вышел в прокат в 2013 г.

Сербохорватский, по справедливому замечанию Зорко, становится для героя языком выражения самых личных чувств, кульминацией чего становится его исповедь перед родителями, когда весь накопившийся стресс и негодование выплескиваются в эмоциональный монолог. В описании накала своих переживаний герой также переходит на язык родителей, что, по сути, является единственным примером такого рода внутреннего монологического по-сербохорватски во всем тексте романа:

Naenkrat nešto u meni pukne i rasplačem se skroz. Do konca. Urlam, a suze teku i ne mogu ih više zadržat. Udaram šakama u zid i urlam. <...> Sve, što se skupljalo, sad se skupilo i najednom izletilo iz mene. Tuga, muka, jad, samo bijesa više nema. Plačem ko malo dijete [Vojnović 2008: 104–105].

Что-то вдруг во мне рвется, и я начинаю рыдать. По полной. Ору вовсю, слезы текут – а я их больше сдерживать не могу. Луплю ладонями по стене и ору. <...> Все, что во мне накопилось, теперь разом наружу вылилось. Тоска страшная, обида – только злости больше нет. Реву, как дитя малое [Войнович 2014: 111–112].

Межъязычие первого поколения

Если говорить о явлении *межъязычия* (интерязыка, промежуточного языка), то оно представляет собой переходную языковую систему, которая занимает статус посредника между родным и изучаемым языком [Selinker 1972: 210] и которая формируется у изучающего иностранный язык на определенном уровне овладения им [Вагнер 1997: 15]. Интерязык имеет индивидуальные особенности и характеризуется систематическими ошибками, поскольку говорящий на нем не достигает высокого уровня владения изучаемым языком. Последний также близок к термину «пиджин», который в социолингвистике указывает на всевозможные формы контактного вторичного языка, языка-посредника, как средство общения людей, которые не гово-

рят на одном языке; пиджин формируется в результате общественной деятельности [Шаклеин, Чжэн Цяньминь – эл. публ.]. Так, рассматривая особенности словенского языка первого поколения, мы будем применять термин межъязычие, а также «пиджинизированный» словенский язык [см. Silaj 2011: 48].

Родители Марко – типичный пример экономических иммигрантов, для которых в период существования Югославии не было сложностей с получением работы в Словении. Как и большинство переселенцев, они познакомились со словенским языком уже во взрослом возрасте и усваивали его из окружения, но, живя в общем государстве, они не испытывали необходимости в его изучении. По всей видимости, их интерес к языку вынужденно проявился лишь после провозглашения Словенией независимости, когда повысился его статус: словенский становится официальным государственным языком, тогда как сербохорватский перестает быть доминирующим и престижным. Первому поколению иммигрантов для коммуникации и минимального взаимопонимания достаточно их родного языка (так как сербохорватский и словенский – близкородственные языки), этим же объясняется низкий уровень мотивации в изучении словенского языка. Их знание словенского, ограничено, как правило, элементами, которые необходимы для повседневного общения. Герой Войновича перечисляет эти словенские слова, но два из них, слова «пожалуйста» и «до свидания», все же произносятся с «южным» акцентом – *prosam* вместо *prosim*, *nasvidanje* вместо *nasvidenje*:

Чефуры на Фужинах не то чтобы сильно ассимилировались. Пофигу им эта ассимиляция. Здесь тьма чефуров, которые вообще не знают словенского. Они могут сказать только «до свидания» и «привет», «ноль три разливного» и «пачку сигарет», «пажалста» и «спасибо», «магазин» и еще три слова – но это всё. Одной фразы по-словенски сказать не могут. Даже коротенькой [Войнович 2014: 144].

Даже те переселенцы первого поколения, которые, по собственному признанию, стараются говорить по-словенски, на са-

мом деле говорят на каком-то промежуточном языке, в котором их родной язык все еще преобладает. Марко приводит пример Пешича: «Говорят, ходил он как-то на заседание домового комитета да на родительское собрание в школе и там типа старался говорить по-словенски. Ну, это он так сам говорит, только никто кроме него этого не заметил» [Войнович 2014: 144]. Это все же не препятствует тому, чтобы словенцы их понимали – ведь эти языки родственные. Допускаемые «чефурами» ошибки хоть и режут слух словенцам, но все же не представляют существенной коммуникативной преграды: здесь заявляет о себе как раз та степень языковой терпимости, которую готовы проявить представители доминирующей группы. Специфика трудоустройства «чефуров» является одним из главных факторов слабого владения словенским, поскольку в рабочей среде они, по сути, не имеют с ним контакта. Их незнание языка, однако, представляет предмет нападков, становясь фактором социальной уязвленности иммигрантов. Марко так описывает данную ситуацию:

Словенцы страшно бесятся, когда кто-то не умеет говорить по-словенски, – не знаю только, поможет ли им, если все Пешичи по-словенски заговорят. Можно подумать, они сразу с ними болтать начнут. По мне, так это полная чушь. Я о том, что Пешичи должны говорить по-словенски типа из уважения к Словении и все такое. Пешичи работают на стройках, всю Словению они построили, но уважают только Мирослава Илича и холодное пиво. Да эти Пешичи могут хоть по-тунгузски говорить... Можно подумать, кто-то обратил бы на это внимание. Больно нужно! Только вот словенцы напрягаются на этот счет, бесятся – зачем? Комплекс у них такой, а все потому, что никогда не умели в футбол играть [Войнович 2014: 144–145].

Промежуточный язык первого поколения чефуров подвергся фоссилизации: из-за родственности языков ошибки настолько укоренились, что носители такого рода «пиджинизированного» словенского в разговоре со словенцами не осознают несоответствия языковых форм. В качестве примера возьмем

речь одной из героинь – матери Ацо, во всех своих немногочисленных и коротких репликах эта женщина – Марина – старается говорить по-словенски, в том числе со своим сыном и с другими «чефурами» (в частности, с Марко и его отцом Радованом). Последнее, по всей видимости, связано с желанием хоть как-то интегрироваться в словенское общество, поскольку она – мать-одиночка, работающая уборщицей, – стоит на самой низкой его ступени. Ее речь, однако, также представляет форму межъязычия, которое, как и в случае с языком других персонажей, изображающих первое поколение иммигрантов, как правило проявляет себя в том, что словенские слова спрягаются и склоняются как в их родном языке, то есть получают сербохорватские окончания:

«Ooo, Marko! Kako si zrasto! Kako lep fant. <...> Marko, a si lačen? Boš kaj pojedo? <...> **Jedite**, fantje, da boste lahko delali pa se učili pa igrali košarku. A ne, Marko? Moraš dobro jest, če hočeš igrati košarko. A ne da?» [Vojnović 2008: 88, 90].

– Ой, Марко! Как ты вырос! Какой красавчик! <...> Марко, ты голодный? Поешь чего-нибудь? <...> Ешьте, мальчики, чтобы были силы работать и учиться и в баскетбол играть. Да, Марко? [Войнович 2014: 92, 93, 95].

Так, формы причастия прошедшего времени словенских глаголов, которые наряду со спрягаемой формой глагола *biti* ‘быть’ участвуют в образовании прошедшего и будущего времени, вместо суффикса *-l* получают в речи героини сербохорватский суффикс *-o*: *zrasto*, *pojed*o вместо словенских форм *zrastel*, *pojedel*. Обращает на себя внимание и резко выбивающаяся сербохорватская форма повелительного наклонения глагола *estь*: *jedite* вместо словенской формы *jejte* ‘ешьте’. В цитате мы также наблюдаем частотную ошибку первого поколения чефуров – использование сербохорватского окончания *-u* в винительном падеже существительных женского рода, единственного числа-

тогда как словенское окончание должно быть *-o*: *košarku*, хотя уже в следующем предложении Марина использует правильную форму *košarko*. Ее как неносителя словенского языка выдает и использование множественного числа вместо двойственного, в частности здесь в примере обращения к Ацо и Марко.

В общении у первого поколения на первом плане оказывается коммуникативная функция, поэтому для них не так важно, на каком языке они говорят: они свободно переходят со своего «пиджинизированного» словенского на родной язык, не чувствуя этого различия. По сравнению со старшим поколением, у второго поколения переселенцев более развитое осознание языка, они ощущают неправильный характер словенского языка престарелых чефуров, подшучивают над ним и пародирует их манеру говорить:

Mi smo hodili to gledat in smo se smejali najavam starcev. Najbolj smešno je bilo seveda poslušati tiste, ki so se naučili malo slovenščine, pozabili pa malo čefurščine in so zdaj govorili neko mešanico. Fužinščino. Potem so padale najave: «Podaj mi žogu! Zvio sam si gležanj! Ščipa me v hrbtnicu!» [Vojnović 2008: 15].

Мы ходили смотреть и пёрлись от того, как старики отжигают. Смешнее всего, конечно, было слушать тех, кто словенский чуток выучил, а чефурский малёк подзабыл, – на какой-то помеси балакали, по-фужински. Так и слышишь: «Поддай мне мяча! Я себя лядыжку вывынул! Меня поясниц прихватил!» [Войнович 2014: 14].

Нельзя утверждать, что фужинские чефуры забывают родной язык, этому препятствует их слабая интеграция в словенское общество. Последний все же остается доминантным. В их язык, однако, вклинивается их «пиджинизированный» словенский, отражающий реалии жизни в Словении: среди них школьная лексика их детей (название предметов, оценок и пр.), элементы повседневного быта (*sestaneke hišnega sveta* ‘соборание домоуправления’, *računalnik* ‘компьютер’, *urgenca* ‘скорая

помощь», *kosovni odpad* ‘свалка мебели’) [Petrović 2006: 69], а также распространенные специфические словенские словечки, во многом утрачивающие значение при переводе на другие языки, например, *zafrkavati* ‘подшучивать, прикалываться’, *ro-kvarjeni* ‘испорченный’, словенские союзы *pa, pa še* ‘и’, ‘и еще’.

При рассмотрении явления «чефурского» межъязычия словенские исследователи применяют термин *иммигрантский маргинальный социолект* («*priseljenski obrobni sociolekt*») [см. Skubic 2004: 301–302], речь идет о социолекте переселенцев, которые не до конца овладели языком новой среды и которых выдают как минимум фонетические особенности родного языка. Иммигрантские социолекты получают самую низкую оценку в обществе, ибо представляют собой постыдную стигму, предмет насмешек; его носители – это маргинальная среда «чужих», чье положение в социуме оказывается крайне уязвимым. В словенском обществе носители данного социолекта чувствуют свою отверженность и униженность, хотя и признают статусность доминирующего языка. Маргинальный социолект переселенцев отражает также занятость этой социальной группы физическим трудом (большинство обитателей Фужин к тому же выходцы из руральной среды), что находит выражение в общей чувственной экспрессии и в первую очередь в дисфемизмах, являющихся для них чем-то повседневным и сообщающих: «мы не утонченные», «мы не вы» [Skubic 2004: 302]. В этой связи большую роль играет стремление к физическим наслаждениям, доходящее до гедонизма, – это также служит важным отличием этой группы от доминирующей в культуре и находит отражение в языке. Со сдержанностью и замкнутостью словенцев контрастирует балканский темперамент: балканцы открыты, отзывчивы, общительны и эмоциональны. В лице чефуров безразличию и разобщенности словенцев противопоставлены главные ценности переселенцев с юга – братство и солидарность.

II Язык второго поколения иммигрантов

Смешанный язык второго поколения – «чефурский» язык

Явление смешанного языка зарождается в условиях двуязычия, в ситуации контакта между носителями двух (или более) языков, владеющих ими на достаточно высоком уровне, чтобы соотнести их составляющие и заимствовать некоторые из них для спонтанного формирования нового гибридного языка. Мы говорим о смешанном языке, когда взаимовлияние языков сказывается не только в лексике, но и проявляется на уровне фонетической, морфологической и синтаксической систем. Следует, однако, различать понятие смешанного языка, которым описывается именно создание языка, с одной стороны, и типичные для билингвизма явления смешения кодов (внезапный переход говорящего с одного языка на другой), а также их переключения (вставка чужеродного слова в середину предложения) – с другой. Потребность в смешанном языке связана с конструированием особой идентичности группы, которая возникает как желание противопоставить себя доминирующей культуре. Чефурский язык как раз и представляет собой пример смешанного языка, отражающего гибридную идентичность второго поколения иммигрантов и участвующего в формировании молодежной субкультуры чефуров, одной из главных функций которой выступает сопротивление авторитету большинства. Идентификационная стратегия чефуров, таким образом, заключается в сознательном приятии уничижительного обозначения себя, то есть в самоотождествлении с негативным стереотипом, в усвоении маркированной манеры поведения, ее форсировании. Такого рода тавтология в поведении становится плодотворным полем для творчества, а примерка на себе национальных клише приводит к неизменному их подрыву, усиленной стереотипизации при этом подвергается и доминирующий культурно-языковой код.

Двуязычие второго поколения

Как уже указывалось, молодое поколение чефуров прекрасно владеет словенским языком. Доказательством может служить хотя бы последовательное использование одной из его отличительных особенностей, а именно, двойственного числа (литературных или разговорных форм), в частности там, где монопольный носитель сербохорватского употребил бы множественное число (см. выше пример речи Марины). Наряду с поговорками, риторическими выражениями, изречениями на сербохорватском мы находим также устоявшиеся фразы по-словенски: «*Zdaj sem že jaz na tapeti*» [Vojnović 2008: 27] / «теперь моя очередь выходить на ковер» [Войнович 2014: 25]; «*da ti grejo glasilke po gobe*» [Vojnović 2008: 18] (слов. *iti po gobe* (досл. ‘идти за грибами’) ‘пропасть, испортиться, умереть’) / «связки рвутся» [Войнович 2014: 17]; «*mi na kraj pameti ne pada*» [Vojnović 2008: 122] (слов. *na kraj pameti mi ne pride / ne pade* (досл. ‘не прийти на край ума’) – выражение сильного отрицания) / «мне даже в голову не придет» [Войнович 2014: 130]; «*Jaz sem mislil, da me bo pobralo*» [Vojnović 2008: 79] (слов. *pobrali* (досл. ‘забрать’) ‘привести к смерти’) / «Я думал, помру со смеху» [Войнович 2014: 83]; «*je hodil kot največji kup nesreče*» [Vojnović 2008: 144] (слов. *kot kup nesreče* (досл. ‘как куча несчастья’) ‘грустно, отчаянно’) / «домой полпелся» [Войнович 2014: 153], и т.д.

Тот факт, что язык Марко и его друзей богат синонимами на обоих языках, является еще одним доказательством билингвизма второго поколения и того, что они говорят на другом, смешанном языке, существенно отличающемся от межъязычия их родителей. Главная особенность пиджинизированного языка – его исключительное упрощение и сокращенный объем лексики, тогда как у молодых чефуров лексический запас вдвое больше [Silaj 2011: 70]. Так, особенно богатые семантические поля выделяются для выражений *biti pijan* ‘быть пьяным’ (до 26 лекси-

ческих единиц), *tepsti (se)* ‘драться’ (до 33 лексических единиц), *policaĵi* ‘полицейские’ (8 лексических единиц) [см. Silaj 2011: 71–73], а также для слов *prepirati se* ‘ругаться’, *jokati* ‘плакать’, *nor* ‘сумасшедший’, *idiot* ‘идиот’ и пр.

Смешение двух языковых систем

Герой повествования Марко конструирует свой смешанный язык следующим образом: иноязычные элементы (а именно языки бывшей Югославии) задают основу, однако при создании предложения меняется синтаксис, порядок слов или значение слова для того, чтобы соответствовать принципам словенского языка. Это также один из способов уйти от категоризации: положение героя оказывается промежуточным, он обитает в том самом «третьем пространстве» между культурами, где однозначная идентификация невозможна, следовательно, и язык стремится избежать четкого разделения и бинарности, образуя нечто третье. Будучи обитателем Фужин, персонаж, действительно, не может причислить себя лишь к тем или иным, словенцам или боснийцам. В течение романа самоопределение Марко колеблется между двумя крайностями: от абсолютно негативного отношения к Фужинам он переходит к восхвалению уникального района, тогда как первоначальная симпатия в адрес родины родителей в связи с физическим приближением к ней (отец героя отправляет его жить к родственникам в Високо) ведет к признанию жестокой реальности в Боснии. Колебания наблюдаются также и в языке романа: по мере продвижения к финалу все больше места в повествовании занимает словенский язык как язык рациональной рефлексии, тогда как элементы смешанного чефурского языка, роль которого прежде всего заключается в повышенной экспрессивности и провокационности, становятся менее частотными.

При классификации социолектов словенский писатель и исследователь Андрей Е. Скубиц относит чефурский язык молодого

поколения к так называемому *эксцессивному социолекту*, носители которого стремятся выйти из преобладающего социального соотношения сил и занять по отношению к нему дистанцированную или даже критическую позицию. Символические приемы такого рода дистанции призваны выразить провокацию и эксцесс зачастую при помощи активного, намеренно расширенного использования языковых инноваций и вульгаризмов. Ключевым отличием эксцессивного социолекта от маргинального является его стремление к релексикализации, основой для которой служат заимствования из других языков и наречий, архаизмы, неологизмы и пр. Таким образом главным правилом эксцессивного социолекта, согласно Скубицу, становится интертекстуальность: активное смешение высокого и низкого, старого и нового, родного и чужого. Данные языки не признают примата *культивированных социолектов* (третья из трех групп, предлагаемых исследователем), но открыто заявляют о себе как о более непосредственных, выразительных и искренних [Skubic 2004: 303–304]. Гибридный язык молодых чефуров как представителей городской молодежной субкультуры вбирает в себя характерные особенности эксцессивного социолекта.

Так, в смешанном языке чефуров обращают на себя внимание различные явления языковой гибридизации: во-первых, возникают «смешанные лексемы», использующие два языковых кода. В тексте романа самым распространенным примером последних являются глаголы с сербохорватской основой, которые при спряжении получают окончания словенских глаголов или же встраиваются в словенские модальные конструкции: «*lupaš lahko z glavo ob zid*» [Vojnović 2008: 176]: от серб., хорв. *lupati* ‘стучать, бить’; словенская модальная конструкция *lahko* + личная форма спрягаемого глагола – *mочь что-то делать*; (досл. *ты можешь бить головой об стену*) / «остаётся только биться головой об стенку» [Войнович 2014: 188]; «*gledajo osmrtnice in se prebrojavajo*» [Vojnović 2008: 180]: от серб., хорв. *prebrojavati se* ‘пересчитывать себя’; *-ajo* –

окончание 3 л., мн. ч. спрягаемой формы словенского глагола вместо серб., хорв. *-aju* / «они смотрят извещения о смерти и пересчитывают друг друга» [Войнович 2014: 193]; «na Fužinah *tamburajo* vse, k sedijo v prvi klopi» [Vojnović 2008: 125]: от серб., хорв. *tamburati* ‘бить’ / «на Фужинах *бьют* всех, кто сидит на первой парте» [Войнович 2014: 133]; «*teturajo* med bloki» [Vojnović 2008: 75]: от серб., хорв. *teturati* ‘шататься’ / «шатаются среди многоэтажек» [Войнович 2014: 80]; «ga z Dejanom *tegljiva* po Fužinama» [Vojnović 2008: 78]: от серб. *tegljiti*, хорв. *tegliti* ‘тянуть, натягивать с помощью троса’; *-va* – окончание 1 лица двойственного числа спрягаемой формы словенского глагола / «мы с Деяном прём его на себе по Фужинам» [Войнович 2014: 83]; «*kako ždereva*» [Vojnović 2008: 90]: от серб., хорв. *žderati* ‘лопать, жрать’; *-va* – окончание 1 лица двойственного числа спрягаемой формы словенского глагола / «как мы уплетаем» [Войнович 2014: 95]; «*se ko blesav ljuljal*» [Vojnović 2008: 117]: от серб., хорв. *ljuljati se* ‘качаться (на качелях)’; словенский суффикс *-l* в образовании причастия прошедшего времени вместо сербохорватского *-o* / «стал качаться, как псих полный» [Войнович 2014: 124] и пр. Однако встречается и зеркальное явление, а именно использование сербохорватских окончаний в словенских временных конструкциях, например, сербохорватской формы причастия прошедшего времени на *-o*, которая встраивается в форму словенского будущего времени с вспомогательным глаголом *biti* ‘быть’ в будущем времени: na kakšno budalo *boš naletio* [Vojnović 2008: 160] (вместо словенской формы *naletel*) / «на какого придурка можешь нарваться» [Войнович 2014: 171].

Во-вторых, процесс гибридизации происходит как на уровне лексем и морфологических форм, так и синтаксических систем. Рассмотрим отдельные примеры: «*maloleten*» [Vojnović 2008: 54]: от слов. *mladoleten* и серб., хорв. *malol(j)etan* / «несовершеннолетний» [Войнович 2014: 55]; «*nad nami letajo vojnička letala*» [Vojnović 2008: 62]: от слов. *vojaška le-*

tala и серб., хорв. *vojnički avioni* / «над нами истребители летают» [Войнович 2014: 65]; «s temi svojimi špijunskimi glupostmi» [Vojnović 2008: 131]: от слов. *vojunskimi neumnostmi* и серб., хорв. *špijunskim glupostima* / «этой своей шпионской фигурой» [Войнович 2014: 139]; «budalo jedna najveća» [Vojnović 2008: 168]: от слов. *budalo eno največje* и серб., хорв. *budala jedna najveća* / «придурок несчастный» [Войнович 2014: 179]; «proti ogromni hrpi kosovnega odpada» [Vojnović 2008: 149]: от слов. *proti ogromnemu kupi* и серб., хорв. *prema ogromnoj hrpi* / «в сторону огромной кучи» [Войнович 2014: 159]; «zdaj sem razbijal mozak» [Vojnović 2008: 87]: от слов. *razbijati si glavo* и серб., хорв. *razbiti mozak* / «теперь я голову ломаю» [Войнович 2014: 92]; «taticu tu njegovo, Samiro» [Vojnović 2008: 116]: от типичной фразы в серб., хорв. *taticu tu njegovu* / «мать его Самиру» [Войнович 2014: 123]; «ji je padel mrak na oči» [Vojnović 2008: 114]: от серб., хорв. фразеологизма *ji je rao mrak na oči* (досл. ‘у нее в глазах потемнело’, в знач. ‘она потеряла контроль над собой’) / «у нее аж в глазах потемнело» [Войнович 2014: 122]; в тексте романа встречается также корректная серб., хорв. форма «mi je rao mrak na oči» [Vojnović 2008: 126] / «мне тут же поплохело» [Войнович 2014: 133]; «so radikali dodali ulje na vatru» [Vojnović 2008: 103]: от слов. *so prilili olje na ogenj* и серб., хорв. *su dodali ulje na vatru* / «радикалы (из телевизора) масла в огонь подлили» [Войнович 2014: 109]. Приведем примеры модифицированного синтаксиса [Silaj 2011: 79]: «Še kdo misli, da je komunizem izumrl, se grdno vara» [Vojnović 2008: 39]: от слов. *se grdo moti* и серб., хорв. *grdno se vara* / «Если кто думает, что коммунизм умер, так сильно ошибается» [Войнович 2014: 39]; «če bi se mi vsi čefurji v našem bloku umešaval v moje zadeve, bi izludio» [Vojnović 2008: 137]: от слов. *bi znorel* и серб., хорв. *izludio bi* / «я бы рехнулся» [Войнович 2014: 145].

Однако наиболее частотным приемом смешанного чефурского языка является внедрение сербхорватской лексики в структуру словенской фразы. Приведем также несколько примеров: «lahko tega Tasića *peške* odneseva na postajo» [Vojnović 2008: 79]: вместо слов. *peš odneseva* / «влёгкую этого Тасича пешочком в участок доставили» [Войнович 2014: 84]; «pa če bo *krepal* od lakote» [Vojnović 2008: 81]: вместо слов. *če bo umiral od lakote* / «даже если будет *подыхать* с голоду» [Войнович 2014: 85]; «spet me je pogledal *ravno* u oči s svojim *tužnim* pogledom» [Vojnović 2008: 167] (досл. ‘он снова посмотрел мне *прямо в глаза* своим *грустным* взглядом’): вместо слов. *naravnost v oči s svojim žalostnim pogledom* / «смотрел на меня так грустно» [Войнович 2014: 178–179]; «Ranka je trpela ko *Isus* na križu» [Vojnović 2008: 81]: вместо слов. *Jesus* / «Ранка мучилась, как Иисус на кресте» [Войнович 2014: 86]. Приведем также несколько отрывков, которые наглядно представляют, как происходит такого рода переключение кодов и встраивание их в словенскую грамматическую систему предложения:

Hodil sem proti Golovcu in mimo mene so *šetali* po Poti spominov in tovarištva vsi možni liki s Fužin. Od tistih *luđakov*, ki so čisto *skrenuli* in zdaj *trčkarajo* po Golovcu v pajkicah in s trakom čez ušesa in strašijo *šumske životinje*, do starcev, ki do fužinskega gradu niso obdelali vseh bolezni in so *produžili* dalje [Vojnović 2008: 137].

И вот иду я к Головцу, а мимо меня по Дороге воспоминаний и товарищества разные персонажи с Фужин топают. От *чокнутых*, которые совсем *одичали* и *бродят* по Головцу в трико, с повязкой на ушах и пугают тут *птичек* и *зверюшек*, – до стариков, которые по пути к фужинскому замку не успели обсудить все свои болячки и решили *пройтись* еще [Войнович 2014: 146].

Следующий пример переключения языковых кодов заключает в себе также приметы эксцессивного социолекта с характерной для него рифмованной игрой слов, а также молодежным сленгом:

Trave jaz nočem. Jebiga, če sem športnik. Čikci mi sedejo včasih. Tako malo za foro, če pa bi Radovan zvedel, da *duvam*, bi me *rasturio* u *paramparčad*. *Jaja* bi mi *zvezo oko vratu*. Ni tu zajebancije. Druga ali žoga. Cigara, ena, dve, to ni nič takega, saj je tudi Radovan *pušil*, ko je bil mlad, ampak če bi *popušil* en džoint, *letio bi kroz prozor naglavačke sa trinestog sprata*. Saj ne, da ima naš blok dvanajst štukov, ampak za to priložnost bi Radovan *smislio* še trinajstega. *Ode glava* [Vojnović 2008: 36].

Не, траву я не хочу, на фиг: я спортсмен. Сигаретку могу иногда выкурить. Так, по приколу, но если бы Радован вдруг узнал, что я дую, он бы мне такой пистон вставил, полный был бы трындец. В бараний рог меня свернул бы, без шуток. Или ганч⁵⁸ – или мяч. Сигареты там, одна, две, это чухня: Радован сам молодой покуривал... Но если бы я косяк выкурил, пулей бы летел с тринадцатого этажа, из окошка. У нас, правда, только двенадцать, но по такому случаю Радован бы еще тринадцатый пристроил. Голову бы оторвал [Войнович 2014: 36].

Экссессивный социолект молодых чефуров создает и свои неологизмы, составляющие часть языковых инноваций. Пример последних в речи второго поколения – это слова, употребляемые для разграничения двух видов наркоманов и наркотиков, которые они употребляют: главный герой использует выражения «хвойные и лиственные растения» («*iglavci in listavci*»), первые – это те, кто принимают тяжелые наркотики, которые необходимо вводить при помощи инъекции, вторые курят гашиш:

Čeprav Pero ni narkoman, ampak samo hašišar, samo kaj ve Radovan, da ni vsak hašišar avtomatsko *iglavec* in da je mogoče samo *listavec* [Vojnović 2008: 20].

А Перо и не наркоман вовсе – гашиш покуривает... Но откуда Радовану знать, что тот, кто на игле, – *растение игольчатое*, а Перо – все-го-навсего *лиственное* [Войнович 2014: 19].

⁵⁸ Ганч – марихуана (арг.)

Сентенции Радована

Особый образец смешения языков в тексте романа – это включение в речь Марко «мудрых» изречений Радована по-сербохорватски в виде прямой речи, которая, однако, не оформляется кавычками, а идет через запятые, и каждый раз они сопровождаются фразой «как сказал бы Радован». Вот некоторые из них:

Možest joj drva na glavi cijepat, bi rekel Radovan [Vojnović 2008: 56]. / Как говорит Радован, ей хоть кол на голове теши [Войнович 2014: 57].
Vsi so u govnmima do guše, kot bi rekel Radovan [Vojnović 2008: 144]. / Все в говне по уши, как сказал бы Радован [Войнович 2014: 153].
Seljaka iz sela lako, ali selo iz seljaka nikako, kot bi rekel Radovan [Vojnović 2008: 133]. / Можно вывезти крестьянина из деревни, но деревню из крестьянина – никогда, как сказал бы Радован [Войнович 2014: 141–142].

В этих фразах граница между изречениями отдельной личности (Радована) и народными присказками зачастую отсутствует. В конце концов, как справедливо замечает Силай, автором этих изречений может быть и сам Марко, который происходит из той же среды, что и Радован [Silaj 2011: 83–84]; в тексте романа мы в результате встречаем и сентенции Марко (напр.: «То se rodiš tak in si do smrti isti» [Vojnović 2008: 92] / «Каким родился, таким и помрешь» [Войнович 2014: 98]). Однако, от подобного влияния на свою идентичность герой хочет дистанцироваться или показать свое двойственное отношение к содержанию высказывания, тем самым перенося ответственность за него на Радована.

Языковые стереотипы

В разговоре молодого поколения переселенцев очевидно сознательное использование стереотипных фраз родителей, которые выдают в них неносителей словенского языка и тем самым приводят к стигматизации; в языке второго поколения

эти укрепившиеся неправильные формы, в свою очередь, становятся основой для языковой игры и иронии. Так, в качестве одного из создателей такого рода выражений Марко приводит соседа по имени Сенад: «*Naredili smo si sram, bi rekeli moj komšija Senad*» [Vojnović 2008: 117]: неправильное употребление двух различных словенских выражений *naredili smo si sramoto* ‘опозориться’, *biti koga sram* ‘стыдно кому-л.’, в результате чего образуется гибридная аграмматическая форма / «Опозорились “всем на стыд”, как сказал бы мой комшия Сенад» [Войнович 2014: 125]; «*Sigurno me je cel blok gledal in sem si naredil takšen sram, da je najboljše, da se odselim*» [Vojnović 2008: 150] / «Стопудово весь подъезд видел, как я сам себе на голову нагадил, – лучше мне теперь вообще отсюда съехать» [Войнович 2014: 160].

К языковым стереотипам относятся следующие выражения [ср. Silaj 2011: 84]: серб., хорв. *na Fužinama* (наряду с правильной словенской формой *na Fužinah* ‘на Фужинах’), *živala* (гибридная форма словенского существительного женского рода *žival* ‘животное’, представляющая собой отрицательный трансфер из серб., хорв. *životinja*), серб., хорв. *hitar* (в значении слов. *hitro* ‘быстро’); *ne moreš, da verjameš; ne moreš verjameš* [Vojnović 2008: 159, 17] (модифицированные формы словенского выражения *ne moreš verjeti* досл. ‘ты не можешь поверить’) / «в это невозможно “поверить”» [Войнович 2014: 16]; *da mi je vedet* досл. ‘чтобы мне знать’ [Vojnović 2008: 42, 84]: от слов. *dati vedeti, daj mi vedeti, dal mi je vedeti* ‘дать знать, дай знать, он дал знать’ / «кто первый это выдумал», «если бы только знать» [Войнович 2014: 42, 90].

Чефурский язык, будучи, наряду с манерой поведения, стилем в одежде и музыке, способом противостоять доминирующей культуре, нацелен на нарушение нормы и всего конвенционального. Обращение главного героя к словенскому без примеси сербохорватского на протяжении всего текста встречается редко, и это не случайно: персонаж не хочет идентифицировать себя с носителями словенского языка.

Пародирование словенского литературного языка

Ирония в отношении словенского литературного языка и гиперкорректных высказываний становится также одним из источников языковой игры. Так, одно из наиболее выразительных мест в тексте – возмущение Марко по поводу словенских спортивных комментаторов, которые стараются соблюдать литературную норму, что для главного героя представляется нонсенсом:

Itak mi najeda Dejan s temi svojimi srbskimi forami, ker noče dat na HTV pa da normalen komentar poslušamo. Božo Sušec ali Drago Čosić. Ne pa da mi model prbija s temi okroglimi usnji pa kazenskimi prostori pa prepovedanimi položaji pa čuvaji mreže pa temi slovenskimi metaforami. Ko da gledam Prešerna, ne pa fuzbala [Vojnović 2008: 112].

Достал меня Деян этими своими сербскими фишками: не хочет включить ХТВ, чтоб нормального комментатора послушать. Божя Сушеча или Драго Чосича. А вместо этого всякие круглые кожи, и штрафные площади, и запрещенные положения, и хранители сетки – весь этот словенский выпендрёж. Будто Прешерна смотришь, а не футбол [Войнович 2014: 119].

В первой главе, однако, уже чувствуется авторская ирония в пародировании пафоса словенского литературного языка, которая, правда, не была передана в русском переводе (такие выражения, как «ничейные результаты», «почетные поражения», «высшие победы»):

Če si enkrat navijal za klub, ki je bil svetovni prvak, potem ne moreš prešaltati in se napaliti na neodločene rezultate, častne poraze, predkola Lige prvakov, Slovenski pokal in visoke zmage nad NK Beltinci [Vojnović 2008: 13].

Если когда-нибудь болел за клуб – чемпион мира, слабаки уже не катят... Тащиться от того, что вничью сыграли, отборочные в Лигу чемпионов прошли, Кубок Словении взяли, от «Бельтинцев» оторвались? [Войнович 2014: 11].

Особенно яркую эмотивную окраску речи молодых чефуров придают вульгаризмы: герой особенно изобретателен в создании новых ругательных выражений, когда сильно рассержен и пытается таким образом выразить свои чувства и степень своего разочарования. Присутствие нецензурных выражений призвано повысить эмоциональную экспрессивность, к тому же, это способ, как уже отмечалось, дистанцироваться от преобладающих социального и языкового кодов. Дисфемизмы, которые использует герой – не столько выражение грубости, непристойности, высокомерия или агрессивности, сколько показатель неуверенности в себе, растерянности, желания найти свое место и самоутвердиться. Последнее также связано с тем, что в распоряжении молодых людей нет других средств вербализации того, что их волнует, так как в патриархальных семьях чефуров, сохраняющих множество табу, не принято обсуждать проблемы, и они не знают, «как это – говорить всерьез» [Войнович 2014: 152]⁵⁹. Дисфемизмы отличают и маргинальный социолект первого поколения переселенцев, поэтому обширное применение их в речи второго поколения представляется вполне закономерным и естественным. Эксцессивный характер им, помимо прочего, придают специфические эпитеты, которые герои добавляют к типичному обороту «мать твою»:

«Končno evo Dejana, mamicu mu njegovu strogu, ki ga ne pusti ven» [Vojnović 2008: 47]. / «Наконец-то Деян. Мать его строгую, не пускает она его никуда» [Войнович 2014: 48].

«Kaj me niste topl, majku vam pandursku» [Vojnović 2008: 54]. / «Как это вы меня не били, мать вашу мордоротскую» [Войнович 2014: 56].

«Končno je Peši odmaglil, mamicu mu džankursku» [Vojnović 2008: 74]. / «Пеши наконец-то свалил, мать его наркоманскую» [Войнович 2014: 78].

⁵⁹ На патриархальность среды чефуров как источник многих сложностей во взаимоотношениях автор указывает на протяжении всего текста романа, особенно в главах «Почему чефуры не говорят о сексе», «Почему Радован оказался в Словении», «Почему мы все время притворяемся», «Почему нет хуже монстров, чем молодые чефурки», «Почему чефуры прикалываются».

В результате, по справедливому замечанию У. Зорко: «Со-вокупность текста производит впечатление насыщенной, почти поэтически сгущенной языковой плотности» [Zorko 2008: 192]. Заметим, что отражение всех языковых особенностей романа представляет сложную и практически невыполнимую задачу для переводчика: способы передачи двуязычия при переводе на русский язык стали предметом отдельных исследований [см. Красовец 2016].

О пограничном характере «междумирья» иммигрантов из южных республик бывшей Югославии в Словении говорят и слова Войновича, произнесенные им в одном из интервью и раскрывающие сложные процессы внутреннего раздвоения у обладателей транскультурной идентичности – ведь писатель и сам родился в Любляне в боснийско-хорватской семье:

Взять хоть мой родной язык, который распался на четыре части. Граница проходит сквозь меня, и иногда у меня появляется неприятное ощущение, что я не могу добраться до самого себя, что граница закрылась и я остался на одной из сторон. Разделенный надвое. Сила границ на самом деле устрашает. Всякая граница со временем неизбежно отчуждает тебя от того, что за ней, какой бы проходимой она не была. Поэтому мой сегодняшний мир разделен границами, географически, культурно и лингвистически. Я чувствую, как он замкнут, как внутри этого нашего маленького мира каждый из нас создает для себя еще меньший. Потому что мы не можем перейти границу, поместить себя на другую сторону [Lejler 2017 – URL].

Литература

- Bhabha H. K.* The Location of Culture. London, New York, 1994.
Bhabha H. K. The Third Space. Interview with Homi Bhabha // Identity. Community, Culture, Difference. / Ed. J. Rutherford. London, 1990. P. 207–221.

Dekleva B., Razpotnik Š. Čefurji so bili rojeni tu: Življenje mladih priseljencev druge generacije v Ljubljani. Ljubljana, 2013.

Jurić Pahor M. Transkulturnost: vpogledi v »slovensko« manjšinsko knjiŹevnost // DruŹba in druŹbena gibanja 50 let po 1968 / Slovensko socioloŹsko srečanje 2018, Piran, 18.–20. oktober 2018. Ljubljana, 2018. S. 57–61.

Knjiga mene briga. Oddaja RTV 4. Goran Vojnoviĉ: ĈefurŹi raus! URL: <https://4d.rtv slo.si/arhiv/knjiga-mene-briga/19792765> (дата обращения: 19.08.2020).

Lejler Ź. Goran Vojnoviĉ: Figa ni krik. Je dolg, tih izdih. Spomini so brezno, iz katerega zajema snov za svoje romane // Delo. 23.06.2017. URL: <https://www.delo.si/kultura/knjiga/goran-vojnovic-figa-ni-krik-figa-je-dolg-tih-izdih.html> (дата обращения: 27.08.2020).

Petroviĉ T. Ne tu, ne tam: Srbi v Beli krajini in njihova jezikovna ideologija v procesu zamenjave jezika. Ljubljana, 2006.

Selinker L. Interlanguage // IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. № 10 (1–4). P. 209–232.

Silaj K. Ĉefur v Sloveniji, Janez v Bosni: analiza prevodov romana ĈefurŹi raus! Gorana Vojnoviĉa v hrvaŹĉino, srbŹĉino in bosanŹĉino: diplomsko delo. Ljubljana, 2011.

Skubic A. E. Sociolekti od izraza do pomena: kultiviranost, obrobje in eksces // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na Slovenskem – Ĉlenitev jezikovne resniĉnosti. Obdobja 22. Ljubljana, 2004. S. 297–320.

Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Cambridge (MA), 1996.

Stabej M. PriŹleki in ĉefurŹi // Sodobna slovenska knjiŹevnost: 1980–2010. Obdobja 29. Ljubljana, 2010. S. 297–304.

Strsoglavec Đ. Źe sreĉa, da je slovenŹĉina (juŹno)slovanski jezik // Slovanstvo v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi. Ljubljana, 2010. S. 83–94.

Vojnoviĉ G. ĈefurŹi raus! Ljubljana, 2008.

Welsch W. Transkulturalitat. Zur veranderten Verfassung heutiger Kulturen // Hybridkultur: Medien, Netze, Kunste. Koln, 1997. S. 60–90.

Zorko U. Vodič po vesti neke večine // *Vojnović G.* Čefurji raus! Ljubljana, 2008. S. 183–199.

Zupan Sosič A. Govor v sodobnem slovenskem romanu // *Slavistična revija*. 2015. № 63/2. S. 183–195.

Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим (фонетика, графика, части речи): автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1997.

Войнович Г. Чефуры вон! / Пер. со словен. А. Красовец. СПб., 2014.

Красовец А.Н. Стратегия и проблемы перевода на русский язык романа Горана Войновича «Чефуры вон!» // *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 2016. С. 142–153.

Кречмер А.Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл. А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. СПб., 2017. С. 151–212.

Планы на сезон, 16 книг на зиму // *The Village*. 27.11.2014. URL: <https://www.the-village.ru/village/weekend/season-plans/170809-h-knig-na-non-fiction> (дата обращения: 08.08.2020).

Программа для чтения. Игорь Гулин и Лиза Биргер о 35 книгах, которые нужно купить на non/fiction // *Коммерсантъ Weekend*. 21.11.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2608937> (дата обращения: 18.08.2020).

Рубинс М.О. Литература в контексте транснациональной теории // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. Ю.В. Меньшикова. СПб., 2014. С. 275–283.

Шаклеин В.М., Чжэн Цяньминь. Интерязык: в поисках уточнения термина // *Филологические науки*. Вып. № 5 (59). 2017. URL: <https://research-journal.org/languages/interyazyk-v-poiskah-utochneniya-termina/> (дата обращения: 19.08.2020).

Аннотация

Роман Г. Войновича «Чефуры вон!» (2008) затрагивает жизнь двух поколений иммигрантов из южных республик бывшей Югославии в Словении, которые получили в словенском языке пейоративное обозначение «чефур». Произведение отразило особые лингвистические явления, возникшие при соприкосновении нескольких родственных культур и языков: маргинальный социолект первого поколения иммигрантов, представляющий собой форму межъязычия, и эксцессивный социолект второго двуязычного поколения, являющийся примером смешанного языка, а также существенным фактором образования городской молодежной субкультуры «чефуров». Статья рассматривает эти явления и присущие им процессы гибридизации лексических, морфологических и синтаксических систем словенского и сербохорватского языков. Положение пограничья, промежуточности мира переселенцев между двумя различными пространствами порождает сложную и противоречивую форму транскультурной самоидентификации, где язык выступает одним из ее активных орудий.

Ключевые слова: Горан Войнович «Чефуры вон!», современная словенская литература, иммигрантская проза, тема миграции в литературе, маргинальные социолекты, эксцессивные социолекты, межъязычие, смешанный язык, транслингвизм, транскультурность.

Summary

Aleksandra Krasovec

Immigrants in Slovenia and Their Language: Goran Vojnovich's Novel "Southern Scum Go Home!"

A novel "Southern Scum Go Home!" (Ljubljana 2008) by G. Vojnović addresses the lives of the two generations of immigrants from the southern republics of the former Yugoslavia in Slovenia;

they received the pejorative designation “čefur” (scum) in the Slovenian language. The essay points out specific linguistic phenomena that emerge when several related cultures and languages come into contact. These phenomena include: marginal sociolect of the first generation of immigrants which is a form of interlanguage, and the excessive sociolect of the second bilingual generation, an example of the mixed language, as well as a significant factor in the development of the urban youth subculture of “čefurs.” We examine these phenomena and the inherent processes of lexical, morphological and syntactic hybridization of the Slovenian and Serbo-Croatian language systems. The immigrant border-zone world between the two different realms creates a complex and contradictory form of transcultural self-identification, language being one of the active tools.

Keywords: G. Voinović’s “Southern Scum Go Home!”, contemporary Slovenian literature, immigrant prose, migration in literature, marginal sociolects, excessive sociolects, interlanguage, mixed language, translanguism, transculturalism.